

Автобиографическая проза

Марина Цветаева

Твоя смерть

«Public Domain»

Цветаева М. И.

Твоя смерть / М. И. Цветаева — «Public Domain»,
— (Автобиографическая проза)

ISBN 978-5-457-11601-6

...Цветаевская проза с первых слов, с первых строк очаровывает, завораживает: перед читателем разворачивается музыкально-поэтическое полотно воспоминаний, критических замечаний, дневниковых записей. Это та Музыка, которая вылилась в Лирику, и та Лирика, которая породила Прозу, прозу лирическую, как определила ее сама Цветаева. Поэтому использование стихотворных приемов, поэтических образов в этой прозе закономерно. То, что не выплеснулось в стихи, высказалось в прозе, а так как в основе и того и другого лежат биографические факты, мы сталкиваемся с необычным явлением: Марина Цветаева рассказала о времени и о себе языком поэзии и прозы, и эти два жанра органично дополняют друг друга.

ISBN 978-5-457-11601-6

© Цветаева М. И.
© Public Domain

Содержание

Mademoiselle Jeanne Robert[1]	6
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Марина Цветаева Твоя смерть

Каждая смерть, даже из самого ряда выхождения выходящая, – о твоей говорю, Райнер, неизменно оказывается в ряду других смертей, между последней до и первой после.

Никто никогда не стоял над гробом без примысла: “Над кем последним так стоял, над кем первым встану?” Таким путем создается между *твоими* умершими, *личными* умершими, известная связь, существующая только в данном сознании, в каждом данном разная. Так, в моем сознании ты предстал Неведомому между А и В, в сознании другого, тебя потерявшего, между С и D и т. д. Сумма наших осознаний и есть твое окружение.

Теперь о роде этой связи. В худшем, в частом случае, связь внешняя, местная, порядковая, чтобы все сказать – житейская, чтобы еще *всее* сказать – кладбищенская, по случайности соседства номеров и могил. Связь бессмысленная, посему не связь.

Пример. Между X и Y при жизни не было никакой. Нет и в смерти, если не считать самой смерти, как тогда – жизни. Для породнения и того и другого мало. Такой гроб из нашего могильного ряда выпадет, ряд сомкнется на двух, значащих для нас могилах. Таким отбором и создается ряд наших смертей и наша смерть. Только об этих, и слагающих нашу собственную смерть, смертях и буду говорить, говоря о связи.

Каждая смерть возвращает нас в каждую. Каждый умерший возвращает нам всех до него и нас – им. Не умирали бы последующие, мы бы, рано или поздно, забыли первых. Так от гроба к гробу – круговая порука нашей верности мертвым. Некое посмертное сосуществование в памяти: ряде *своих* могил. Ибо все наши умершие, лежи они в Москве, на Новодевичьем, или в Тунисе, или еще где, для нас, для каждого из нас, лежат на одном кладбище – в нас, со временем в одной братской могиле. Нашей. Многие в одной и один во многих похоронен. Там, где сходятся твоя первая могила и последняя – на твоём собственном камне, – ряд смыкается в круг. Не только земля (жизнь), но и смерть кругла.

Через наши уста, целующие, рождаются, подаются друг другу руки, целуемые. Через их руки, целуемые, рождаются, тянутся друг к другу уста, целующие. Круговая порука бессмертия.

Так, Райнер, ты породнил меня со всеми, тебя потерявшими, как я, в ответ породнила тебя со всеми, когда-либо мною потерянными, и ближе всех – с двумя.

Как по волнам несет нас смерть по холмам могил – в Жизнь.

* * *

Твоя смерть, Райнер, в моей жизни растроилась, расслоилась на три. Одна твою во мне готовила, другая заключала. Одна предзвучие, другая позвучие. Несколько отступив во времени – трезвучие. Твоя смерть, Райнер, – говорю уже из будущего – дана была мне, как триединство.

Mademoiselle Jeanne Robert¹

– Ну, Аля, как было у француженки?

– Мама! Чудно! А самое чудное, что мы пришли, потому что если бы мы не пришли, было бы из всех детей только двое, две девочки – одна взрослая, а другая азбучная. И она бы даром готовилась и готовила. А Вы знаете – я так была удивлена – у нее чудная квартира: лестница мраморная, в коврах, с полированными перилами, с медными звонками какими-то... По такой лестнице и ходить приятно, но, конечно, не ей, потому что седьмой французский этаж, а ей, наверное, уже семьдесят.

Внутри чудно: картины, зеркала, и на каминах, всюду – воспоминания: плетеные, вязаные, всякие, и все с надписями. От учеников и учениц. А книг, мама! Целые стены! И все больше о Роланде, *Quatre fils d'Aymor*² – такие. А самое чудное: два рояля, в одной комнате. Именно потому, что она такая бедная – чудно. Потому что если бы у богатого, ясно. Просто всего помногу: салфеток, ножей... Вот взял и купил себе сразу два рояля, и еще два куплю. А у мадмуазель совершенно непонятно. И совершенно ясно: от любви. (Мама, у меня сейчас странная мысль: а вдруг она по ночам вырастает в огромную, и одна, без всякого труда, на двух роялях? Одна – на двух роялях – в четыре руки?)

И страшный холод. Два камина горят, а точно на улице.

– Ты расскажи все по порядку. С самого начала, как только пришли.

– Как только пришли, нас с Леликом сразу засадили за огромную старинную книгу о Париже. Потом начались звонки и стали прибывать разные прежние ученицы в меховых шубах, от семнадцати до сорока лет. И некоторые матери. У мадмуазель был вид встревоженный, и она все время бегала с чашками на кухню, и я ей немножко помогала. Да! мама, как чудно, что я все-таки не обменяла той коробки – помните. Вы говорили: важны конфеты, а не коробка. Нет, мама, и коробка важна – на Рождество. Конфеты в коробке – подарок, просто-конфеты – просто конфеты. И коробка всегда же останется – для писем, ленточек, всякого. Она так обрадовалась и уж хотела было ее подавать, но я упросила оставить на дорогу, потому что она завтра едет в деревню к сестрам. А Лелик ей привез апельсины и яблоки, причем тщетно в лавке пытался ей купить сюсеток. Он говорил, что на десять франков выйдет очень много. Но его мама не позволила. Апельсины она подала, а яблоки оставила – тоже сестрам, наверное. Вот и поедет с подарками.

Мама, она, наверное, очень бедная, еще беднее, чем мы думали, наверное, все уходит на квартиру и на сестер, – потому что кроме пти-беров из угощения ничего не было. И какао и чай на выбор. Ей помогала какая-то молодая кузина, тоже в меховом. А сама она была в своем вечном черном, с той же бархаткой на шее, а на бархатке иконка с Жанной д'Арк, серебряная – знаете? Она, наверное, как Вы, считает, что неудобно хозяйке быть нарядной, раз *ее* дом, а может быть, ничего другого и нету, я, по крайней мере, никогда ничего кроме того черного на ней...

– Ну, а потом как было?

– Потом к нам присоединилось какое-то толстое существо, которое я, было, приняла за девочку, но девочка оказалась с напудренным лицом и накрашенными губами, и я уже не знала, что думать. На всякий случай, мы решили его (существо) развлечь игрой в мнения и развлекли так, что через пять минут оно исчезло, наверное, потому, что маленькая девочка – азбучная – один раз сказала про нее: *boule de graisse*, а другой: *boule de viande*³ – да и мы

¹ Мадемуазель Жанна Робер (фр.).

² «Четыре сына Эймора» (фр.).

³ Кусок сала... кусок мяса (фр.).

не отставали. А потом сделалось темно и мадмуазель нам показала Эйфелеву башню, такую же далекую или близкую, как от нас. Как всегда отовсюду.

Мама, мне страшно хотелось есть, но я удерживалась и съела всего один пти-бер. И Лелик один. А та маленькая девочка – все остальные.

Потом мы стали собираться домой, но мадмуазель ни за что не пускала, потому что еще не танцевали. Мы с Леликом думали, что будем смотреть, но оказалось, что сами должны танцевать.

– Как же ты танцевала?

– А так, как мне показывали. Мадмуазель очень хорошо танцует, очень легко, но, конечно, те танцы, прежние. А Лелик, увидев, что танцуют не венгерку, насупился и объявил, что у него кружится голова. Но она с ним все-таки протанцевала. Она со всеми танцевала и страшно устала. Да! самое главное. Над диваном, в гостиной, она – молодая. Она лежит в траве и читает книгу, а рядом с ней яблоки. В розовом платье, оборчатом, – очень хорошенькая. И тоже худая, только сейчас от старости, а тогда от молодости. И нос вырос. – Это ее сестра писала – не та, сумасшедшая, а другая – тронутая, которая не любит, чтобы сор выносили из комнаты. Сметет и бережет. Но картина чудная.

– Как прощались?

– О, хорошо, подробно. И целовались, и я благодарила, и она. Вашей книжке очень обрадовалась, но мне кажется, она не разглядела надписи – что это ей, просто думала, почитывать. А зато, когда завтра в вагоне увидит, еще больше обрадуется. На прощанье еще раз пригласила ее на нашу елку, и она сказала, что непременно придет. Что же мы ей подарим – перчатки или бумагу?

* * *

Перчатки или бумагу? А денег, как на грех, не было, как всегда – на всегдашний! – на последний подарок.

А может быть, записную книжку? Есть совсем дешевые. А может быть, – так не хочется и не может сейчас, в последнюю предъелочную минуту, идти, – ничего? Просто – позвали на елку. Где же, вообще, дарят? Ведь это только детям дарят... По грубости самоугворов и заемности доводов – ясно: подарок нужен. Только вот: перчатки или бумагу?

Перчатки, оказалось, были уже куплены матерью мальчика: “теплые, прочные, а то у нее, бедной, совсем рваные. После того, как я у нее побывала – в этом холоде – мне все время хочется для нее чего-нибудь теплого. Авось, не обидится”. (От русских – обида! Все равно, что нищий подал.)

Наличие перчаток установило бумагу. “От пяти до шести франков, не дороже семи-восьми, в крайнем случае десять, Что-нибудь неяркое, для пожилой дамы”...

(“Пожилой” – когда вот-вот рассыпется, и “дамы”, когда – Mlle Jeanne Robert!)

Très distingué – parfaitement distingué – tout ce qu'il y a de plus distingué – on ne peut plus distingué... (6 frs... 9 frs cinquante... 12 frs cinquante... 18 frs.)⁴

Коробки, с легким картонным громом, громоздятся. Одно – видно, другое – скудно, третье – нудно, четвертое – дорого, пятое – дорого, шестое – дорого. И, как всегда, с возгласом: “Ah, il y en a encore une que j'oublie”⁵ – последняя – та самая. (Как бы проверка точности нашего вкуса, легкий искус его – приказчиком...)

⁴ Очень изящное, безукоризненно изящное, все самое изысканное, что ни на есть самое изысканное... 6 франков, 9 франков пятьдесят... 12 франков пятьдесят... 18 франков... (фр.).

⁵ А, есть еще одна, которую я забыла (фр.).

Голубая. Полотняная. С голубыми же цветочками на крышке, до того простыми, что не смешными. Без зубцов и якобы английской шероховатости краев... Много. Сходно.

– Rien de plus pratique et de plus distingué. Et pas cher du tout, Madame, quarante feuilles et quarante enveloppes. Un bon cas de profiter⁶.

Дома, еще в дверях:

– Аля! Есть подарок мадмуазель.

* * *

А Mademoiselle Jeanne Robert pour notre Noël russe – Ariane⁷ – не магазинная, ибо не безымянная уже, коробка лежит под елкой, рядом с розовым свертком – d'Olegue (от Лелика). Скоро елка, скоро мадмуазель. Она была в России, но с тех пор (пятьдесят лет назад) была ли на русской елке? Кстати, озабоченные достачей елки – в последнюю минуту в цветочном магазине у станции – не удосужились освежить приглашения, и идет она не на елку, а на обычный четверговый урок, первый после ее (французских) каникул. Идет на урок, а попадет на елку. – И знаешь, Лелик, ничего не говорить, просто ввести. – Или сказать, что нынче занимаемся внизу. – Потому что наверху не топлено. Словом, мадмуазель на елке детям затмевает елку. (Так праведник ждущим ангелам должен застилать небо, на которое вовсе не знает, что попадет.)

– Сейчас, должно быть, будет. Без десяти? О, еще целых десять минут.

– Сейчас должна быть. Который час? Она никогда не опаздывает.

– Может быть, только сегодня приехала и потому запаздывает? А ты точно знаешь (дети друг другу), что именно сегодня первый урок?

– Она сказала 5-го.

– Но 5-ое вчера, почему же она вчера не пришла? Мне она сказала в четверг.

– А мне 5-го. Но четверг сегодня и значит она сейчас придет. Только ее два подарка и остались под елкой.

⁶ Ничего нет удобнее и изящнее. И совсем не дорого, мадам, сорок листов и сорок конвертов. Хорошо и выгодно (фр.).

⁷ Мадемуазель Жанне Робер в день русского Рождества – Ариадна (фр.).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.